

ХЕЙЛИ КЭМПБЕЛЛ

О ДИВНЫЙ
ТЛЕННЫЙ
МИР

КОГДА СМЕРТЬ – ДЕЛО ЖИЗНИ

МИ∞

От автора

Я изменила некоторые подробности, чтобы защитить личные данные умерших. Живых я описала такими, какими их помню.

Оглавление

Предисловие	9
Грань между жизнью и смертью	
Похоронный агент	19
Дар	
Директор патологоанатомической службы	37
Щелкни пальцами — они обратятся в камень	
Создатель посмертных масок	73
Лимб	
Опознание жертв катастроф	92
Кошмар	
Уборщик мест преступления	121
Ужин с палачом	
Палач	143
Все это не навсегда	
Бальзамировщик	171

Любовь и ужас	
Санитар патологоанатомического отделения	204
Суровая мать	
«Акушерка скорби»	232
Земля к земле	
Могильщик	250
Кучер дьявола	
Оператор крематория	259
Мертвецы с верой в будущее	
Институт крионики	273
Послесловие	296
Примечания	317
Дополнительная литература	342
Благодарности	348
Об авторе	351

Жизнь трагична просто потому, что земля вращается, солнце неизменно встает и заходит и когда-нибудь для каждого из нас пойдет в последний, самый последний раз. Наверное, корень человеческих бед в том, что мы готовы принести в жертву всю красоту нашей жизни, отдать себя в рабство тотемам, табу, крестам, кровавым жертвоприношениям, шпилям, мечетям, гонкам, армиям, флагам, нациям, чтобы только не признавать факт существования смерти — единственный факт, который у нас есть.

Джеймс Болдуин. The Fire Next Time

Предисловие

Человек не рождается с осознанием того, что ему суждено умереть. Эту новость кто-то должен сообщить. Я спрашивала папу о том, он ли мне об этом рассказал, но он уже забыл.

Некоторые помнят, как узнали о смерти, и способны точно назвать момент, разделивший их жизнь на «до» и «после». Они помнят тот звук, когда птица ударилась об оконное стекло, сломала себе шею и упала. Они помнят разговор об этом событии. Они помнят, как обмякшее пернатое тельце убирали с патио и закапывали в саду, а в пыли еще некоторое время после этих похорон оставался отпечаток крыльев. Смерть может явиться нам, забрав золотую рыбку, бабушку или дедушку. Может быть, вы постигли этот факт — настолько, насколько вы тогда могли и насколько вам это было нужно, — в то мгновение, когда плавники исчезли в водовороте унитаза.

Лично у меня не было такого момента. Я не помню времени, когда смерть не существовала. Она просто была, везде и всегда.

Возможно, все началось с пяти убитых женщин. Мой папа, Эдди Кэмпбелл, рисует комиксы. Когда мне не было и десяти, он начал работать над графическим романом From Hell («Из ада») Алана Мура. Он был о Джеке-потрошителе, и все ужасы и жестокости были показаны на иллюстрациях колючими черно-белыми штрихами. Джек-потрошитель тогда вошел в нашу жизнь до такой степени, что моя младшая сестренка надевала к завтраку цилиндр, а я стояла на цыпочках и разглядывала фотографии с мест преступления, приколотые к папиной чертежной доске, когда

пыталась упротить его разрешить то, что мама запретила. Там-то они и были, те выпотрошенные женщины с вырванной из лиц и бедер плотью, а рядом с ними — откровенные снимки вскрытых трупов с обвисшими грудями и животами, стянутых от шеи до паха швом, как мячи для регби. Я помню, что смотрела на все это и испытывала не шок, а какое-то завораживающее чувство. Мне было любопытно, что же там произошло, мне хотелось увидеть еще больше. Было обидно, что фотографии нечеткие и к тому же черно-белые. Изображенное на них было бесконечно далеко от всего того, что я тогда знала о жизни, настолько непохоже, что не могло испугать. Мне, жительнице тропического австралийского Брисбена, это было так же чуждо, как туманные лондонские улицы, по которым ходили те люди. Сейчас я смотрю на эти фотографии другими глазами: я вижу насилие, борьбу, женоненавистничество, загубленные жизни... Но в те годы у меня просто не было эмоционального языка, чтобы постичь нечто настолько ужасное. Это было выше моего понимания, однако именно тогда ударила в стекло птица, которую я до сих пор снимаю с патио и рассматриваю на свету.

В семь лет я уже во многом напоминала себя сегодняшнюю — журналистку. Чтобы как следует во всем разобраться, я делала фломастером зарисовки: садилась рядом с папой за перевернутую коробку, которую называла письменным столом, и подражала ему. Я создавала энциклопедию внезапной смерти: двадцать четыре страницы со способами убить человека, по кусочкам собранные из увиденного в кино, по телевизору, в новостях и на папиных иллюстрациях.

Героев моих картинок рубили во сне мачете и резали ножом в лесу во время автостопа, их варили живьем ведьмы, хоронили заживо, вешали на растерзание птицам. Был

рисунок черепа с пояснительной подписью: «Когда тебе отрубили голову и у тебя гниет кожа, ты выглядишь вот так». Для одной сцены комикса папа в качестве модели купил у мясника почки и выложил их на платке в гостиной. Они гнили в тепле, а мы вместе рисовали. Правда, моя иллюстрация была честнее: там была туча слетевшихся мух. Папа хранил все мои рисунки в отдельной папке и с гордостью их демонстрировал, приводя в ужас гостей.

Смерть была не только дома. Мы жили тогда на улице с оживленным движением, поэтому кошкам — знакомым и незнакомым — часто не везло. Мы доставали из водосточка окоченевшие трупы, держа их за хвост как сковородки, и на рассвете устраивали тихие маленькие похороны. Летом мне регулярно приходилось менять маршрут по дороге в школу, когда по пути оказывалась дохлая птица. Обычно это были сороки. В более прохладном климате на такое событие никто не обратил бы никакого внимания, однако под палящим австралийским солнцем разложение происходило так стремительно, что целая улица могла стать непроходимой из-за вони. Директор советовал обходить такие места стороной, пока не выветрится запах смерти, но я всегда выбирала именно запрещенный путь в надежде увидеть зловонную птицу, посмотреть ей «в лицо».

Сцены смерти были для меня настолько обычным делом, что я часто без лишних раздумий выполняла домашнюю работу на обороте ксерокопий с папиными иллюстрациями, которые он выбрасывал в корзину для бумаг. «Это мертвая проститутка, — пояснила я однажды учительнице, которая, потеряв дар речи, глядела на отвратительный труп в луже крови. — Это просто такие рисунки». Смерть казалась мне чем-то естественным и частым. При этом мне постоянно твердили, что в ней есть что-то плохое и тайное, что я как будто перехожу какие-то границы.

«Это совершенно неприемлемо», — заявила учительница по телефону моим родителям после того случая.

Я училась в католической школе. Священником у нас работал невнятно говорящий ирландец по фамилии Пауэр. Он казался мне тогда до невозможности старым, хотя периодически можно было увидеть, как он прямо в сутане энергично прыгает в мусорном контейнере, пытаясь утрамбовать его содержимое перед приездом мусоровоза. Раз в неделю отец Пауэр водил нас в церковь для откровенного разговора. Он вытаскивал стул, ставил его где-то в районе алтаря и, махнув рукой в сторону витражей, излагал историю о том, как Иисус несет свой крест на место собственной казни — на этом же кресте. Однажды после обеда он показал на красный огонек по левую сторону от алтаря и объяснил, что, если он светится, Господь дома, ведь это Он дает свет. Я подняла глаза на красную лампаду в красивой латунной оправе и спросила о том, зачем — раз свет исходит от Бога — нужен провод, идущий по стене и цепи. Последовал удар, затем священник откашлялся, сказал нечто вроде «Хватит вопросов» и сменил тему. Меня с тех пор он стал считать проблемой и навсегда отстранил от участия в той части мессы, где присутствуют хлеб и вино. Он даже провел беседу с родителями — папа мной гордился, а маме было очень неловко.

Меня тогда смутило, что священник попытался выдать обычный электрический прибор за что-то волшебное и потустороннее, и я начала с подозрением относиться к организованной религии. Она стала казаться мне чем-то вроде уклонения от ответа, мнимой панацеей, ложью в красивой обертке. Перспектива попасть на небеса была чем-то слишком легким, как турпоездка в награду за хорошее поведение. Мне предстояло еще десять с лишним лет католического образования, но над всеми ответами, которые давала

религия, предупреждающим огнем горела та красная лампочка.

Первым настоящим умершим в моей жизни стала подруга Харриет, которая утонула, пытаясь спасти свою собаку из вышедшего из берегов ручья. Нам тогда было двенадцать. Я почти не помню ее похорон: ни надгробных речей, ни пришедших учителей, ни того, плакал кто-то или нет. Я не помню, привели ли черную лабрадориху Белль — она выжила — и если да, то куда ее посадили. Я помню только, что сидела на церковной лавке, глядя на закрытый белый гроб, и очень хотела заглянуть внутрь. Любой фокусник знает, что закрытая коробка — лучший способ поддерживать аудиторию в напряжении. Поэтому я просто смотрела. Буквально в паре метров от меня лежит моя подруга, но ее от меня прячут. Все это было до отчаяния трудно понять: вот человек есть, потом его нет, но нет и никаких осязаемых подтверждений. Мне хотелось на нее посмотреть. Я чувствовала, что мне не хватает не только Харриет, но и еще чего-то. Было такое ощущение, как будто от меня что-то скрывают. Желание увидеть, желание знать факты и неспособность удовлетворить эти желания никак не давали мне скорбеть. Она там сейчас выглядит как раньше или уже изменилась? Она пахнет как те сороки?

Смерть меня не пугала, а пленяла. Мне было любопытно, что происходит с кошками, которых мы закопали. Мне было интересно, почему дохлые птицы плохо пахнут и какая сила заставляет их падать с деревьев. У меня имелись книги с массой скелетов — людей, животных, динозавров, — и я ощупывала себя, пытаясь изобразить собственный, спрятанный под кожей скелет. Дома на мои вопросы отвечали неуклюже, зато честно. Меня хвалили за рисунки, втолковывали — для этого потребовались не одни печальные кошачьи похороны, — что смерть неизбежна,

а выглядит она неприятно, пусть и не всегда. А в школе мне тем временем советовали отворачиваться от этой темы — от птиц, от рисунков, от моей умершей подруги — и предлагали иной образ смерти. В классных комнатах и в церкви твердили, что смерть — это не навсегда. Я видела больше правды в фотографиях жертв Джека-потрошителя: никто не утверждал, что они вернулись к жизни. Школа же возражала, что Иисус воскрес из мертвых и когда-нибудь вернется снова. Мне навязывали готовые понятийные рамки вместо тех, которые я уже начинала по кусочкам складывать на основе своего опыта. Меня учили, что смерть — это табу, что ее надо бояться, и при этом не хотели отвечать на вопросы и не желали реагировать на то, что мне казалось обычным фактом.

Мы окружены смертью. Она присутствует в новостях, романах, видеоиграх, она есть в наших комиксах про супергероев, хотя там ее по прихоти авторов могут отменять хоть каждый месяц. Она в мелких документальных подробностях описана в подкастах о преступлениях, которыми переполнен интернет. Она упоминается в детских стихах, в музеях, в фильмах об убитых красавицах. При этом видео сейчас редактируют, отрезанную голову журналиста замыливают, слова старых песен «обезвреживают» для современной молодежи. Нам рассказывают, что кто-то сгорел заживо у себя в квартире, что самолет исчез в океане, что грузовик врезался в пешеходов, но нам сложно это постичь. Реальное сплетается с воображаемым и превращается в фоновый шум. Смерть повсюду, но она либо прикрыта вуалью, либо выдумана. Трупы исчезают, как в компьютерной игре.

А ведь с трупом что-то происходит. Даже в детстве, сидя в церкви перед тем белым гробом, я понимала, что кто-то вытащил мою подругу из воды, высушил, принес ее сюда. Там, где ей не могли помочь мы, о ней позаботились другие.

Ежечасно в мире умирает в среднем 6324 человека. Это дает 151 776 смертей в день и около 55,4 миллиона смертей в год. Каждые шесть месяцев с планеты исчезает больше людей, чем живет во всей Австралии. В западных странах за смертью обычно следует телефонный звонок, потом приходят люди с тележкой и отвозят тело в морг. Если это требуется, вызовут и уборщика, который приведет в порядок место смерти. Бывает, что труп тихо разлагается до тех пор, пока не начинают жаловаться соседи. На матрасе в таких случаях остается контур — след существования, как отпечаток погибших жителей Помпеев. Если у умершего нет близких, кому-то заплатят за очистку квартиры от вещей, которые когда-то служили человеку и скрашивали его одиночество: ботинок, выписанных журналов на коврике, стопок так и не прочитанных книг, еды в холодильнике, пережившей своего владельца. Что-то уйдет с аукциона, что-то отправится на свалку. Бальзамировщик в похоронном бюро может постараться сделать труп больше похожим на спящего, а не на покойника. Все эти люди занимаются тем, на что мы не можем даже смотреть — или, по крайней мере, так считаем. Для нас это конец света, для них — рутина.

Большинство из нас никак не соприкасается с теми, кто занимается этим важным делом. Их держат на расстоянии, скрывают, как и саму смерть. В новостях нам рассказывают про убийства, но никогда — о тех, кому приходится выводить следы крови, которая залила ковер и обрызгала стены струей из артерии. Мы проезжаем мимо разбившихся машин, но не знаем о тех, кто будет собирать по кюветам ошметки выброшенных при столкновении тел. Мы горюем по нашим кумирам в соцсетях, но не думаем о тех, кто снимал их с дверной ручки, на которой они повесились. Это неизвестные, невоспетые и незначительные люди.

Смерть, а также те, кто сделал работу с умершими своей профессией, начали увлекать меня много лет назад, и этот интерес нитью проходит сквозь мою жизнь. Они ежедневно смотрят в лицо той правде, которую я могла лишь вообразить. Чудовище, которое прячется в соседнем вентиляционном люке и про которое не говорят ничего существенного и конкретного, всегда кажется особенно жутким, поэтому я решила узнать, как выглядит обыденная человеческая — не птичья и не кошачья — смерть не на фотографиях и не в кино.

Если мы с вами не сходимся в этом отношении, у вас, наверное, найдется похожий на меня знакомый. Он потащит вас гулять по старому, поросшему плющом кладбищу и будет рассказывать, что *вот тут* лежит женщина, которая встала слишком близко к огню, и у нее вспыхнуло платье. Он будет пытаться заманить вас в анатомический музей, где хранятся побелевшие, выцветшие от времени фрагменты давно умерших людей. Вы будете смотреть на них, а их глаза, если найти нужную банку, будут глядеть на вас. Может быть, вы будете недоумевать, что его во всем этом притягивает, а он — как Элви Сингер из фильма «Энни Холл» Вуди Аллена, пытающийся всучить экземпляр «Отрицания смерти» (The Denial of Death) Эрнеста Беккера, — будет удивляться, как это может кого-то не занимать. Я убеждена, что интерес к смерти — это не признак того, что у человека нездоровые увлечения. Она как ничто другое притягивает к себе нашу психику. Беккер считал, кстати, что смерть одновременно ставит точку и толкает мир вперед.

Когда хочется найти ответ, многие идут в церковь, к психотерапевту, в горы, в открытое море. Но я — журналист, а когда твоя работа заключается в том, чтобы задавать вопросы, приходишь к убеждению — или хотя бы

надежде, — что ответ тебе дадут другие люди. Поэтому у меня созрел план: найти тех, кто каждый день работает со смертью, и попросить их показать, что и как они делают. Это позволит мне не только познакомиться с механикой этой отрасли, но и узнать, какую роль играет в их деятельности наше отношение к смерти, какой фундамент оно для них создает. На западе эта индустрия основана на представлении, что с ней нельзя или не следует соприкасаться посторонним. Мы передаем это бремя на аутсорсинг, потому что для нас самих оно слишком велико. А как с этими переживаниями справляются специалисты? Ведь они такие же люди. Нет их и нас — есть просто мы.

Я хотела выяснить: не обманываем ли мы себя таким отношением и не лишаем ли какого-то важнейшего человеческого знания? Может быть, это искусственное отрицание на границе невинности и невежества подпитывает неоправданные страхи? Может быть, противоядие от страха смерти — в точном понимании того, что происходит? Может быть, надо это *увидеть*? Я хотела получить «необезвреженный», лишенный романтики и поэзии образ смерти. Я хотела узнать голую, банальную реальность события, которое неизбежно произойдет с каждым из нас. Мне не нужны были эвфемизмы и добряки, предлагающие побеседовать о горе за чашкой чая с пирожным. Я хотела добраться до самого корня и вырастить из него что-то свое. «Откуда ты знаешь, что боишься именно смерти? — писал Дон Делилло в романе „Белый шум“ (White Noise). — Смерть — штука слишком неопределенная. Никто не знает, что такое смерть, на что она похожа, с чем ее можно сравнить. Может, у тебя просто личная проблема, и ты придаешь ей огромное, мировое значение». Я хотела сжать смерть до такого размера, который мне по силам, с которым я смогу что-то сделать. Мне хотелось, чтобы она стала по плечу человеку.

Но чем больше я беседовала, тем больше вопросов задавали мне самой. Что ты хочешь найти здесь, где тебе быть необязательно? Зачем терзать саму себя этой темой?

Когда работаешь журналистом, появляется ложное чувство защищенности — уверенность, что можно посетить место события, не погружаясь в него. Передавать информацию, оставаясь сторонним наблюдателем. Я считала себя неуязвимой. Это оказалось не так. Я была права: мне действительно чего-то не хватало. Однако я наивно недооценивала глубину раны и степень влияния нашего отношения к смерти на повседневность — то, насколько оно мешает не только понимать, но и скорбеть в момент, когда все рушится. Я увидела наконец реальность смерти и почти не могу выразить словами, насколько это меня преобразило. Но там, во тьме, я нашла нечто большее. Это как часы аквалангиста и звезды на потолке детской комнаты: свечение становится заметно в темноте.